

УДК 37.035+37.018.1

Михаил Анатольевич БАРАШЕВ, кандидат искусствоведения, доцент Владимирского государственного университета, г. Владимир; e-mail: mb@mlb.elcom.ru

Домашнее военное воспитание в русской дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX века

В данной статье освещаются некоторые аспекты домашнего военного воспитания в русской дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX века. Автор рассматривает основные этапы воспитательного процесса, образовательные программы и учебную литературу, педагогические материалы и систему наказаний, состав домашних педагогов и роль родителей в воспитании детей. Особое внимание в статье уделено вопросам физической подготовки дворянских юношей.

Ключевые слова: русское дворянство, военная служба, дворянская семья, домашнее военное воспитание, патриотизм, военные игры, физическая подготовка, наказания.

*Mikhail A. BARASHEV, candidate of Arts, associate professor, Vladimir State University, Vladimir;
e-mail: mb@mlb.elcom.ru*

Military Home Education in Russian Noble Family in the Second Half of the XVIII and the Beginning of the XIX Centuries

This article highlights some aspects of military home education in Russian noble family in the second half of the XVIII and the beginning of the XIX centuries. We examine the main stages of the educational process, educational programs and textbooks, teaching materials, and the penal system, home teachers' staff and the role of parents in the upbringing of children. Special attention is paid to the physical training of noble youths.

Keywords: Russian nobility, military service, noble family, military home education, patriotism, war games, physical training, punishment.

Эпоха петровских преобразований ознаменовала собой начало кардинальных перемен в духовной жизни русского дворянства, неразрывно связанных с европейской культурой Просвещения. В результате сложного и многогранного процесса взаимодействия системы традиционных ценностей с идеями европейского Просвещения в русской дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX века сложилось особое образовательное пространство, где в условиях межкультурной коммуникации и межконфессионального диалога формировались мировоззрение, самосознание и стиль социокультурного поведения дворянского юношества. В отличие от обучения в государственных и частных

учебных заведениях домашнее воспитание носило лично-ориентированный характер. Вместе с тем его главной целью было формирование личности, соответствующей общепринятой и нормативной модели социокультурного поведения русского дворянина. Начиная с Петра Великого, в кругах русского дворянства достойная жизнь не мыслилась вне государственной службы, которая рассматривалась не только как одна из основных обязанностей благородного сословия, но и как его привилегия. Преимущественно дворянской признавалась военная служба. Офицер должен был жить, следуя простому нравственному принципу «Береги платье снову, а честь смолоду», и служить престолу и Отечеству, повинуюсь не страху наказания,

а чувству чести, не жалея ни сил, ни самой жизни. В сознании русского дворянства утвердилось представление: «...Истинный патриотизм в том, чтоб желать отечеству истинного добра и содействовать тому всеми силами: желать, чтоб не на Французов или Англичан походили Русские, а были бы столько счастливы, как только они быть могут <...> Иметь к нему те точно чувства любви, какие имеют к милой родине своей: любить его подлинно, как добрые дети любят своего отца...» [8, с. 190]. Сложившиеся в дворянских кругах религиозно-нравственные принципы и нормы социокультурного поведения требовали тщательного и длительного воспитания.

В дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX века рождение ребенка было значительным событием; причем день и час его появления на свет по традиции отмечали на полях Библии или в календаре, а в усадебном парке в честь его рождения высаживали так называемое «священное дерево», за которым дети потом следили и ухаживали. Русское дворянство традиционно придерживалось правила раздельного домашнего проживания детей и родителей. Для игр и занятий детей отводилась большая и светлая угловая комната, отделенная от парадных и жилых помещений дома, поскольку считалось, что за детским «...криком и шумном ничего делать не можно будет...» [4, с. 53–54]. В повседневном быту родители, обремененные службой и заботами о помещичьем хозяйстве или погруженные в светскую жизнь, не могли уделять детям много внимания. Практически с самого рождения ребенок оказывался на попечении крепостных нянек и дядек, за которыми обычно присматривали бабушка или мать.

В дворянской семье беззаботная детская жизнь заканчивалась рано, в четыре-пять лет. В это время происходило первое знакомство ребенка с религиозно-нравственными устоями и правилами поведения в обществе взрослых под руководством сельского священника или дьячка, которые обучали его Закону Божьему и грамоте по Часослову и Псалтыри; причем каждодневное учение, так же как утренний подъем и вечерний отход ко сну, начиналось и заканчивалось молитвой. По воскресеньям и религиозным праздникам дети обязательно посещали церковь в сопровождении наставников и родителей [2, с. 5]. В свободное от учебных занятий время ребенок мог играть со своими братьями и сестрами. У мальчиков, кроме игрушечных солдатиков, детских лошадок, ружей и сабель, были книжки и игрушки, ориентированные на воспитание у них чувства патриотизма. Известный мемуарист граф М. В. Толстой описывал, как в четырехлетнем возрасте он уже играл с «...кариатурами на Бонапарта, изверга чело-вечества, Корсиканского кровопийцу» и пр.: такова была ненависть к Наполеону после его нашествия на Россию. «Были у меня азбучные карточки с карикатурами на каждую букву: так под буквою “В” французские солдаты ели и похваливали воронье мясо; а под буквою “З”

был представлен Наполеон, ведущий на помочах сына, а впереди — бегущий заяц. Подпись под карточкой: “Гуляй, мой милый сын, будь истый Корсиканец; будь зол, как чорт; будь подл, как я, и трус, как заяц”.

На других карточках были портреты сподвижников Наполеона в таком порядке: Сульт, Талейран, Даву, Ожеро, Савари, Виктор, Ней. При складке их выходила надпись: “Стадо Свиной”. Были и другие складные карточки, в которых к туловищу Наполеона прикладывались разные головы: тигра, осла, беса и т. д. Еще помню деревянные куклы, изображающие “злодея Бонапарта” в таком же безобразно-смешном виде...» [11, с. 257–258].

По мере взросления ребенка его образовательная программа значительно усложнялась, и для ее успешной реализации приглашались новые наставники. В основном, это были иностранные гувернеры и педагоги: французы-католики или немцы-лютеране, а также протестанты-англичане и швейцарцы. Найти достойных наставников дворянским детям, особенно в провинции, во второй половине XVIII — начале XIX века было делом непростым. А. Т. Болотов вспоминал, как после долгих поисков его учителем стал унтер-офицер Я. Я. Миллер родом из Германии, он «...никаким наукам не умел, кроме одной арифметики, которую знал твердо, да умел также читать и писать очень хорошо по-немецки...» [1, с. 37]. Своих воспитанников гувернеры и педагоги обучали древним и новым языкам, всеобщей и русской истории, географии, физике и астрономии, арифметике и геометрии, русской словесности, реже — политэкономии, статистике, праву (естественному, международному, публичному) и логике, а также рисованию «яко работе приятнейшей и веселейшей, нежели скучному чтению учебных книг». Излюбленными сюжетами рисунков мальчиков нередко становились военные темы, например, «древний рыцарь на коне, в полном его вооружении и доспехах» или «целый фронт стоящих в ружье солдат и пред ними офицера с распущенным знаменем и барабанщика с барабаном» [1, с. 131–132, 142–143].

В дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX веков важной составляющей домашнего воспитания мальчиков было их обучение военным наукам, прежде всего фортификации, артиллерии и военной экзерциции. Это объяснялось тем, что с двенадцатилетнего возраста дворянские дети, записанные в военную службу, числились в отпуске для завершения домашнего образования. Известный писатель Н. И. Греч отмечал в своих записках, как «...крестный отец вместо подарка привез на крестины паспорт, по которому я, определенный капралом Конной Гвардии, отпускаясь в домовой отпуск до окончания наук. Теперь обычай этот может казаться странным, но в то время был понятным и справедливым. Через несколько лет получил бы я чин вахмистра, а потом был бы выпущен из полка в армию капитаном, а в гражданскую службу — титулярным советником...» [5, с. 38–39]. Изучать военные

науки требовалось основательно, поскольку при определении в военную службу дворянским юношам предстояло сдать специальный экзамен, включавший в себя знание русского, французского и немецкого языков, «...из алгебры уравнение 1-й степени, из геометрии и фортификации по системе Вобана...» [1, с. 230–231; 9, с. 66]. Домашними педагогами, обучавшими дворянских детей военным наукам, были, в основном, иностранцы, например, в семье князя С. Ф. Голицына служил «искусный инженерный офицер», француз по национальности, Г. Керлеро [3, с. 43]. Вместе с тем процесс обучения ребенка предметам, необходимым для сдачи экзамена на военный чин, нередко находился под строгим контролем со стороны отца [1, с. 96].

Основным методом преподавания был словесный. Учитель излагал материал по предмету, а дети, как правило, заучивали его механически. Широкое распространение получили и практические занятия, прежде всего при изучении иностранных языков, математики и военных наук. В процессе воспитания дворянских детей также использовались различные иностранные и отечественные книги и учебники. Среди них — французские грамматики М. Соколовского (1781) и П. Ресто (1739), «Домашняя арифметика» А. Ливанского (1801), «Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству» М. Е. Головина (1789), «Начальных оснований фортификации часть первая, сочиненная для учащегося инженерству юношества» И. Ф. Картмазова (1765), «Начальные основания фортификации или военной архитектуры, служащие в пользу и употребление российского юношества, упражняющегося в математических науках, собранные из разных авторов с приобщением гравированных фигур на семнадцати досках» Д. С. Аничкова (1787), «Полная наука военного управления, или фортификации, содержащая в себе начальные основания, с приобщением двадцати трех расположений укрепления тридцати знатнейших европейских инженеров, в пользу и употребление юношества и упражняющихся» Е. Д. Войтяховского (1790), «Краткое руководство к военной архитектуре или фортификации» Г. И. Мягкова (1805), труды французского военного инженера Себастьяна де Вобана и т. д. Многие из подобных книг и учебников были хорошо иллюстрированы, что позволяло детям лучше усваивать сложный материал. А. Т. Болотов вспоминал, как, читая историческое сочинение о знаменитом полководце Священной Римской империи принце Евгении Савойском с планами баталий и крепостей, «...скоро научился их разбирать и получил такую охоту к военному делу, что у меня одни только крепости, батареи, траншеи, ретраншементы и прочие укрепления на уме были...» [1, с. 97]. Интерес к военным наукам и военной службе у мальчиков родители и педагоги поддерживали рассказами о героях Троянской войны и французского эпоса «Песнь о Роланде», описаниями знаменитых сражений и деяний великих полководцев от Гая Юлия Цезаря до французского маршала Анри де Тюренна, забавными

военными анекдотами и т. п. Кроме того, дворянские дети, воспитывающиеся при отцах в армейских и гвардейских полках, могли непосредственно наблюдать военные учения и смотры, а при случае — учились стрелять из ружей и артиллерийских орудий [1, с. 97–99].

В дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX века чувство патриотизма и уважения к военной службе воспитывалось и путем изучения форменной одежды русской армии, поскольку каждый ребенок «...в детстве <...> обыкновенно прельщается воинским нарядом» [10, с. 180]. Дворянским детям заказывали военный мундир тех полков, куда они были зачислены, и разрешали его надевать по торжественным случаям. В своих воспоминаниях известная мемуаристка С. В. Скалон описывала, с каким почтением и завистью дворянские дети относились к ровесникам, одетым в военный мундир: «Но более всего поразил нас костюм брата Петра Николаевича, тогда десятилетнего мальчика. Он был одет в какой-то блестящий мундир с каской на голове <...> как будто сконфуженный своим нарядом, он стоял серьезно у дверей, и никто из братьев моих не смел подойти к нему; это продолжалось до тех пор, пока его не переодели; тогда он как будто ожил» [11, с. 475]. В процессе домашнего воспитания ребенок должен был твердо усвоить: право носить военный мундир надо заслужить, и это право его ко многому обязывает в повседневной жизни.

Особое внимание в дворянской семье обращалось на физическое воспитание детей. Так, княгиня Е. Р. Дашкова утверждала, что оно «выполняется, когда детям чрез простую пищу, чрез простое и покойное платье, чрез движение, привычку к воздуху и трудам подадут силу и сделают их тело крепкими и здоровыми. Польза одного ощутительна не только относительно долголетия, но и способствованию, коим таковое воспитание служит соделывать так вскормленных людей способными к большим предприятиям, геройским подвигам и к непоколебимой твердости в предпринятом; ибо трудно себя ласкать надеждою от истощенного и слабого тела увидеть действия великого духа, кои всегда с трудами, а нередко и с опасностью соединены бывают» [6, с. 125]. Дворянских детей обучали гимнастике, плаванию, танцам, фехтованию, верховой езде и охоте, например, князь С. Ф. Голицын «более всего заботился о физическом образовании детей: ему желалось их всех видеть молодцами <...> Молодые князья были искусны во всех гимнастических упражнениях: они шибко бегали, высоко лазили, славно катались на коньках, мастерски перепрыгивали через рвы; смотря по возрасту, у каждого из них были разных величин свайки, и они тешились ими между собою или дворовыми людьми; зимою и летом каждое утро обливали их холодной водою» [3, с. 40–41].

Широкое распространение в домашнем воспитании получили длительные прогулки на свежем воздухе при любой погоде и игры, развивавшие у детей быструю, ловкость, силу и выносливость. Известный ди-

пломат А. П. Бутенев, вспоминая о своих детских забавах в Москве, писал «...про одну забаву, прямо — народную: ледяные горы, на которых мы катались в течение Масленицы, а иногда, если погода позволяла, и Великим Постом. Несколько этих Русских гор (как их величают в чужих землях) устраивались у нас за домом, на огороде. Нам позволяли на них кататься, в особенности потому, что такое движение на чистом воздухе полезно для здоровья, упражняя физические силы...» [2, с. 22]. Среди других детских забав на свежем воздухе была любимая мальчиками игра в войну. Вот что вспоминал известный поэт М. А. Дмитриев: «Главная забава моя была играть в солдаты. Ко мне собирались дворовые мальчишки; я вооружал их деревянными ружьями и учил их экзерциции, которой выучился у дяди Сергея Ивановича. У меня были и знамя, и барабан. Когда приезжали к нам дети Карамзины и Философовы, они тот час просили меня собрать войско. Я собирал и предлагал им начальство; но всякому хотелось быть барабанщиком. Еще я любил стрелять в цель из лука. Стрела у меня была настоящая. Но однажды я попал сзади в горничную, шедшую по двору; к счастью, она была в шубе и стрела не проникла далее. Однако у меня ее отняли и забросили на печку. Долго ходил я около нее, глядя на недостижимую высоту; но стрела так и пропала» [7, с. 44].

В дворянской семье также существовала суровая система наказаний за различные неблагоприятные проступки, в том числе и за недостаточное усердие и лень в учебе. Обычным наказанием для дворянских детей было лишение сладкого во время еды, стояние у стола, пока проходил обед, или на коленях, носом в углу, в течение нескольких часов, запираение одного в темной комнате, удары деревянными лопатками или линейками по рукам, порка розгами, плетью и даже хлыстом из «подошвенной» кожи, а также их, не щадя самолюбия, стыдили в присутствии взрослых, старших и младших братьев или сестер. На видное место в комнате, где дети играли и занимались учебными предметами, вешали на стену плетль или ставили в угол ведро с розгами как грозное напоминание о прилежной учебе и неотвратимости наказания за лень и непослушание родителям или педагогам. А. Т. Болотов вспоминал с ужасом, как учитель, «немец мой, сделался тогда сущим извергом: он не только меня иссек немилосерднейшим образом хворостинами по всему телу, без всякого разбору, но грыз меня почти зубами и терзал, как лютой зверь, без всякого человечества и милосердия <...> ни слезы, ни умаливания, ни целования рук и ног его, ни повторные клятвы не могли смягчить сего чудовища» [1, с. 54].

Однако далеко не каждая дворянская семья могла обеспечить детям достойное домашнее военное воспитание, главным образом, в силу недостатка денежных средств и опытных педагогов. Поэтому многие дворянские дети вынуждены были получать знания о

военном деле в частных пансионах и государственных военно-учебных заведениях, например, в Императорском шляхетском сухопутном кадетском корпусе, учрежденном в 1731 году в Санкт-Петербурге. Особое место в военном образовании русского дворянства того времени занимал Морской шляхетский кадетский корпус, основанный в 1752 году в Санкт-Петербурге, поскольку домашнее военное воспитание практически не позволяло осуществлять полноценное обучение офицеров флота.

Сложившаяся в дворянской семье второй половины XVIII — начала XIX века система домашнего военного воспитания утверждала высокий престиж военной службы, которая соотносилась в сознании большинства русского дворянства с блестящей карьерой и жизненным успехом, а также способствовала созданию одной из самых боеспособных армий Европы этого времени и появлению целого ряда выдающихся отечественных полководцев. Вместе с тем она обеспечила государственное управление Российской империи опытными администраторами, в том числе и в сугубо гражданских ведомствах.

Список литературы

1. Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. М.: ТЕРРА, 1993. Т. 1.
2. Бутенев А. П. Воспоминания Аннолинария Петровича // Русский архив. 1881. Кн. 3.
3. Вигель Ф. Ф. Записки. М.: Захаров, 2000.
4. Головин М. Е. Краткое руководство к гражданской архитектуре или зодчеству, изданное для народных училищ Российской империи по Высочайшему повелению царствующей Императрицы Екатерины Второй. СПб., 1789. Ч. 1.
5. Греч Н. И. Записки моей жизни. М.: Захаров, 2002.
6. Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., Изд-во Дмитрий Буланов, 2001.
7. Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М.: Новое литературное обозрение, 1998.
8. Лопухин И. В. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Записки сенатора И. В. Лопухина. М.: Наука, 1990.
9. Муромцев М. М. Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцева // Русский архив. 1880. Кн. 1.
10. Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век / сост. И. И. Подольская. М.: Правда, 1988.
11. Толстой М. В. Мои воспоминания // Русский архив. 1881. Кн. 1.

